

УДК 316.733
ББК 71.04

А. Б. Лярский

КАЛЕНДАРЬ И ГИМНАЗИСТ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ О ПОВСЕДНЕВНОСТИ ДЕТЕЙ (РОССИЯ КОН. XIX – НАЧ. XX ВВ.)

В статье проанализирована структура и содержание детских календарей, издававшихся на рубеже XIX–XX вв. в Москве, Петербурге, Киеве. Изменения связаны с тенденцией к индивидуализации содержания, с акцентацией личных и досуговых сторон повседневности учащегося и со стремлением регламентировать открывающиеся взрослым грани детской жизни.

Отношения между поколениями – предмет, очевидно, поддающийся описанию в синхронном срезе нашей эпохи. Социологические и психологические концепции дают для современности приемлемые схемы, объясняющие их суть, однако изучение подобных сюжетов с точки зрения диахронии наталкивается на известные трудности. Как описать взаимоотношения поколений с диахронной точки зрения, если мы задаемся целью не проиллюстрировать те или иные очевидности нашего времени историческими примерами, а понять принципы этих взаимоотношений в определенную эпоху? Вопрос не праздный, поскольку именно из конкретных взаимоотношений складывается человеческая судьба, вырастают особенности поведения, т. е. то, что нас часто интересует в прошлом. Особенно велики трудности тогда, когда мы пытаемся отойти от государственных идей или предписаний экспертов.

В работе, предлагаемой вниманию читателя, обсуждается следующий вопрос: как взрослые люди в конце XIX – начале XX вв. представляли себе повседневность детей, обучавшихся в школе? Если они не понимали своих детей (а мы привыкли, что взаимонепонимание часто сопутствует совместной жизни поколений), то как именно взрослые не понимали их? Каковы правила и особенности этого взаимонепонимания? Попробуем нащупать те структуры, в которых взаимонепонимание взрослых и детей может существовать.

Для ответа на эти вопросы целесообразно привлечь источник, лежащий вне сферы мнений специалистов-современников, имеющих слишком критический или предписывающий характер. В качестве такового

предлагается исследовать любопытный, но редко используемый источник – календари, издававшиеся для школьников во второй половине XIX – начале XX вв.¹ Незначительное внимание, которое было уделено исследователями этому источнику, заставляет дать ему более подробную характеристику.

Прелесть этого рода изданий заключается в том, что они часто объединяли под одной обложкой и календарные сведения, и справочники по разного рода школьным предметам, и записные книжки со специальными, необходимыми, по мнению издателей, для школьника рубриками. Конечно, календарь как символическое расчленение времени, связанное с природными или сакральными циклами, имеет гораздо более глубокую историю. По утверждению исследователей народного календаря, он является исторически сложившейся системой членения и регламентации годового времени, организующей не только обрядовый цикл, хозяйственную и бытовую практику, но и в значительной степени и верования и бытовой фольклор². В основе нашего подхода к источнику лежит эта способность календаря, в том числе календаря как специфического издания, и отражать, и регламентировать повседневность человека одновременно. Календарь для школьников, как, собственно, носитель календарной информации, отражает социальное структурирование времени применительно к повседневности детей, учащихся в школе. Будучи совмещен с записной книжкой, снабженный разнообразным справочным материалом, календарь дает представление о том, какие сведения, по мнению взрослых издателей, необходимы для ребенка, каким сферам его жизни должны быть отведены рубрики на страницах издания, чтобы оно было востребованным.

Ориентированность на сбыт является ценным качеством календарей как источника информации. Они должны были меняться вслед за своим потребителем, т. е. по крайней мере, отражать мнение взрослых о том, что поменялось в мире детей. Недаром дольше всех издавался календарь издательства М. О. Вольфа, того самого, чьи издания К. И. Чуковский справедливо упрекал в излишней коммерческой направленности³.

Какой же предстает перед нами детская повседневность, с точки зрения школьных календарей? Это, разумеется, сфера школьных занятий. Вообще, ребенок, которому предназначено пользоваться этим изданием, прежде всего человек, занимающийся специфической деятельностью, профессионал. И трудно было бы ожидать чего-либо иного. Набор сведений, включенных в большинство школьных календарей, скорее напоминает издания для специалистов – врачей, юристов или офицеров, чем издания для детей. Это ярко проявляется при сравнении одновременно выходивших киевских изданий для детей и для школьников⁴. Тот вывод, который мы можем сделать при сравнении соответствующих календарей очевиден и несколько тавтологичен: школьник – это школьник, т. е. человек, в котором главное – его занятие; а ребенок – это ребенок, т. е. человек, в котором главное – его взросление и воспитание. И школьник – это не ребенок. С точки зрения издателей, эти люди имеют разное отношение, например, ко времени: для ребенка время не имеет значения, а для школьника – имеет. У последнего есть расписание, работа, т. е. постоянные занятия и события, которые заставляют его периодически обращаться к календарю; календарь ребенка интересуется больше сво-

бодным временем и не старается соотнести свое содержание с повседневностью ребенка. Тот сам волен выбирать, когда обращаться, а когда не обращаться к занимательному чтению. Даже годы для них считаются по-разному: у школьника – учебный, начинающийся с августа, у ребенка – обычный, начинающийся с января.

И представление взрослых о структуре повседневности школьника также специфично. Рассмотрим ее на примере уже упоминавшихся календарей, уделяя особое внимание продукции одной из известнейших фирм – издательства М. О. Вольфа. Календарь во многом имел рекламный характер, но именно благодаря своему стремлению удержаться на рынке любой ценой, календарь товарищества Вольфа издавался с 1884 по 1917 гг. Он неоднократно менял свое содержание, он постоянно подстраивался под запросы времени, под изменения в политической или культурной ситуации, и на его примере можно изучить не только представление о повседневности учащегося, но и проследить, как меняется это представление на протяжении 30 лет.

С точки зрения календарей М. О. Вольфа, структура повседневности ученика в 80-х гг. XIX в. выглядит так: прежде всего, она отражает символическое деление на будни и праздники, на месяцы и дни недели, которое, в свою очередь обусловлено тем, что издание ориентировано на подданного Российской империи – страны, в которой православие и государство были неразделимы. Календарь для ученика обычно начинается со следующих рубрик: православный календарь – святцы, табель-календарь на учебный год, расписание каникул и праздников. Собственно, в этом школьник не отличается от другого подданного Российской империи. Календарь, как ему и положено, задает матрицу, ячейки которой каждый заполняет сам. И далее, казалось бы, логично должно идти более дробное структурирование времени – расписание уроков, экзаменов и т. д. Однако очень часто мы встречаем совершенно другие рубрики. Во многих календарях, в том числе и в календарях Вольфа, далее идет очень странная рубрикация, которая регламентирует не хронологию, а социальный порядок. Речь идет о начальствующих лицах. Практически везде соблюдается удивительная последовательность, определенная иерархия, в которую включается ученик: Российский императорский дом, список чинов министерства: министр народного просвещения, его высокопревосходительство д. т. с. Иван Давыдович Делянов, товарищ министра, его сиятельство князь Михаил Сергеевич Волконский. Далее указаны попечитель, помощник попечителя, окружные инспектора петербургского и московского учебных округов (округов, где располагались филиалы издательства М. О. Вольфа), после идут специальные графы под фамилии директора, инспектора, классного наставника, господ преподавателей со специальной графой для наименования предмета, и затем – список учеников класса⁵.

Дело не в том, что имена и отчества учителей или директора ученику надо бы знать. Кроме информационной, налицо еще и структурная социальная составляющая. Так ученик самой последовательностью изложенных сведений и свободных граф встраивается в определенную иерархию социальной среды, которая не интересуется ни его происхождением, ни его вероисповеданием, ни сословной принадлежностью. Он находится в самом низу иерархической лестницы.

Следующий раздел календаря посвящен собственно ученической информации. В других вариантах календарей последовательность может быть иной. Есть страница, отведенная для записи расписания уроков, расписания экзаменов, место для текущих отметок и страничка для отметок четвертных, затем следует раздел, куда учащийся мог заносить названия учебных пособий, необходимых в учебном году.

И когда эта составляющая жизни школьника исчерпана, у Вольфа начинаются разделы, отведенные для записи информации, менее связанной с учебной деятельностью. Две страницы прихода (от кого и за что получено) и четыре отведено под запись расходов (кому дано или на что истрачено). Далее следуют две страницы, отведенные под адреса, куда, кроме места жительства, заносились фамилия, имя и отчество. Потом необходимый и важный раздел: выписки из читанного, под него отводилось пять страниц. Эти же разделы присутствовали и во многих других календарях второй половины XIX в.

Кроме ежедневника, в календаре обычно помещался обширный отдел справочной информации. Сведения, которые в него включались, были самыми разнообразными: тут и российские и иностранные меры длины, веса и объема, разнообразные таблицы умножения, таблицы квадратов и кубов, хронологические таблицы из древней, средней и новой истории, орфографические словари и т. д., словом – шпаргалки самого разного свойства. Эти сведения также могли группироваться в иерархическом порядке – сначала помещались родословные рода Рюриковичей и рода Романовых. Сюда же, в справочный раздел, часто включались и «извлечения из правил для учеников гимназий и прогимназий ведомства МНП», утвержденные министром народного просвещения.

Последняя часть календаря Вольфа иногда отводилась для рекомендаций по проведению досуга. Такой раздел в календарях для учащихся существовал не всегда, хотя в них часто включались расписания работы и расценки библиотек, музеев и картинных галерей в Санкт-Петербурге и/или в Москве. Календари могли помещать краткие описания игр, краткие очерки-пособия по сбору марок, коллекционированию бабочек, минералов или растений, по содержанию аквариумов или ужению рыбы.

Такова, в общих чертах, структура и содержание первого из изданных Вольфом календарей, а также большинства календарей для школьников 80-х гг. XIX в. Жизнь ученика, с точки зрения авторов календарей, определяется его школьной действительностью, ряд предложенных рубрик никак не ориентирован на собственно детскую повседневность школьника. В этом смысле профессия «ученик», как уже сказано, почти затмевает детство. Но школьник, как мы видели, не просто профессионал, он еще включен в иерархию российских чинов, находясь в самом низу пирамиды системы образования. Кроме этого, нелишним будет отметить, что школьник 80-х гг. XIX в. – прежде всего мальчик. Это можно было бы объяснить невысоким уровнем развития среднего женского образования в этот период, но ситуация не меняется и в начале XX в., в условиях резкого роста количества учениц в женских средних учебных заведениях. Мы явно имеем дело со своеобразным стереотипом отношения к учащемуся. Кроме того, это человек без возраста. В российских средних

учебных заведениях были самые разные ученики от десятилетних детей до двадцатилетних юношей и девиц. Календарь не дифференцирует эту массу, предпочитая иметь дело со школьником вообще. Из занятий, кроме учения, достойных внимания, гипотетическому школьнику уготованы чтение и финансовые операции, т. е. труд вполне серьезный; игры и развлечения же возможны, но необязательны.

Наверное, все вышесказанное стоит подытожить так: автор календарей не просто не интересуется внешкольной жизнью ребенка, он не интересуется тем, что лежит вне сферы его предписаний. Там, где речь идет об индивидуальности владельца календаря, издатель может остановиться, предоставляя ученику полную свободу в виде пустых страниц записной книжки. Вторжение во внешкольную жизнь невозможно, поскольку оно не нужно.

Значит ли это, что взрослые совсем не понимали и не видели детской повседневности? Разумеется, нет. Просто она предстала перед ними в несколько искаженном виде. Что бы присмотреться к этим искажениям повнимательней, обратимся к дальнейшей эволюции календарей Вольфа. С 1885/86 по 1887/88 гг. они носили название «Иллюстрированный календарь и справочная записная книжка для учащихся». Кстати, сама кратковременность попытки превратить записную книжку профессионала в иллюстрированный календарь свидетельствует об устойчивости отношения к школьнику не столько как ребенку, сколько как к специалисту. Превратившись в иллюстрированный календарь, издание незначительно увеличивается в объеме, но приобретает более презентабельный вид. Главное отличие нового издания от старого – обилие иллюстраций. Часть картин изображает исторических деятелей, большое количество картин было посвящено природе и ее обитателям: «слоны на водопое», «в погоне за бабочкой», «лошадь», «роза», «лайка», «лягушки» и т. д. Статьи о природе носят как познавательный, так и морализаторский характер. Тексты, которыми снабжены картинки, часто призывают ребенка к сочувствию. Картинки часто изображают некую повседневную ситуацию, в которую взрослый вкладывает мораль и воспитательный смысл. Эта ситуация описывается как хорошо знакомая ребенку, вполне вероятная, однако совершенно не обязательно тот смысл, который вкладывает в ситуацию взрослый, совпадет со смыслом, извлеченным ребенком. В числе иллюстраций есть картина «школьный баловник», которая призывает вместо того, чтобы отвлекаться на проказы школьно шалуна, внимательно следить за ходом урока, чтобы не получить дурной отметки и не заслужить наказания, и «что еще хуже, сознания виновности в собственном проступке». «Поэтому, если вы сознательно относитесь к своему учению, если вам дорого ваше спокойствие и спокойствие ваших родителей, которых глубоко огорчает ваша неудача, если вы не хотите, чтобы труды ваши пропали даром – сторонитесь и остерегайтесь баловника в школе! Если же своим благотворным влиянием, примером и увещаниями вам удастся образумить сбившегося с пути товарища – вы совершите доброе, истинно христианское дело»⁶. Трудно представить себе ребенка, который последовал бы этому совету безусловно, во всей его полноте. Еще труднее представить ребенка, которого сознание виновности пугало бы больше наказания. Но шалуна представить себе легко, и то, как на него отвлекаются товарищи, – тоже.

Очевидно, что в рассказах, прилагаемых к картинкам, описывается не настоящий ребенок, а ребенок нормативный, такой, каким он должен быть. Реальность предусматривает разнообразие реакций, календарь демонстрирует ожидаемую норму. Эта однонаправленность внешнего взгляда во многом и составляет основу искажения при восприятии и изображении взрослыми детской реальности.

В поисках подтверждения вышесказанного обратимся к дневникам школьника 90-х гг. XIX в. и посмотрим, какие ячейки матрицы остаются незаполненными, а какие части социально структурированной повседневности являются важными для самого ребенка? Конечно, идеально было бы найти заполненный календарь с записной книжкой, но пока такой обнаружить не удалось. Попробуем упрощенный, но возможный вариант: проанализируем дневниковые записи, попытавшись представить себе, что именно из дневника могло бы быть сопоставлено с календарем. В нашем распоряжении есть опубликованный дневник гимназиста А. М. Рыкачева. Один из немногих опубликованных дневников гимназистов, он наглядно демонстрирует несовпадения и совпадения в представлениях взрослых и детей о повседневности школьника⁷. К сожалению, небольшой объем статьи не позволяет приводить обширные цитаты и подробно сравнивать тексты, однако само сравнение дневника и календарей приводит к следующим выводам: многие рубрики календаря, особенно те, которые касаются чтения книг, адресов и даже расходов, были бы востребованными. И в итоге получается, что в целом календари верно описывают структуру жизни ученика. Но дело в том, что эта структура так и остается безжизненной и формальной. Проясним эту очевидную, но не всегда осознаваемую вещь. При прочтении дневника становится ясным, что она, эта структура повседневности, для нашего героя никакой ценности не представляет, она заполняется временем, но не чувствами или переживаниями. Возможно потому, что он учился в приличной столичной гимназии и был хорошим учеником и учение было ему по силам. Мы никогда не узнаем от А. Рыкачева, какие работы и сочинения он написал, о чем они. Ему неважно, что происходило на уроке и в гимназии. Мы найдем описание гимназии в выходной, но не найдем описание гимназии в будние дни и т. д. Ему важнее семейные события, чем то, что произошло в стенах учебного заведения. В дневнике гимназия присутствует как фон, как данность, на которую не стоит обращать внимание, так же, как не упоминают о законе всемирного тяготения всякий раз, когда описывают падение капель дождя. Индивидуальность автора дневника раскрывается в его музыкальных увлечениях или в виршах о первой любви, в его размышлениях о книгах и спектаклях, о Боге и о фривольном поведении француженок-гувернанток. Или, например, большую часть дневника занимает описание каникул, проведенных в имении родственников, т. е. речь идет о том, для чего почти нет места в календаре школьника, работника учебного труда. Но главное в том, что структура, данная календарем, не включает в свою сеть именно проявление индивидуальности данного, конкретного гимназиста, ученика 8-ой Санкт-Петербургской гимназии А. Рыкачева.

В то же время изменения, которые происходили в календаре Вольфа на рубеже XIX–XX вв., позволяют говорить о постепенной индивидуа-

лизации отношения к ребенку. Например, появляется биографический листок, причем именно он открывает календарь. Туда включены следующие графы: «день моего рождения, имена моих родителей, день крещения, кто были восприемники, привитие оспы, мой рост к ... м-ца, к ... м-ца, вес моего тела, кто был моим первым учителем, на котором году жизни я начал учиться, когда я начал самостоятельно читать, какую я решил избрать профессию, какие я перенес болезни, замечания». Школьник теперь не только конкретное имя, и член какого-то класса в гимназии, но и конкретный человек, член семьи; персонаж со своими индивидуальными, только ему присущими показателями начала учения, навыками самостоятельного чтения и т. д. У нас есть веские основания утверждать, что подобные изменения были вызваны, прежде всего, борьбой за потребителя, а следовательно, необходимо было ориентироваться на запросы ученика. Взрослые замечают индивидуальность школьника. Мы можем также предположить, что учащийся готов был к этому гораздо раньше. Именно с ответа на вопрос «Какой я?» и начинается свой дневник А. Рыкачев. «Мне 13 лет. Я учусь в С.П.Б. 8-ой Гимназии; только что перешел в 5-ый класс с наградой 1-ой степени. Папа служит в Главной Физической обсерватории... У меня два брата... и две сестры... Все уже учатся в гимназиях...»⁸. Напомним, из того, что предложил в качестве ответа на вопрос «Кто я?» А. Рыкачев, представляясь гипотетическому читателю дневника, календарь в 1890 г. предлагал рубрику только для класса и гимназии. Даже возраст Рыкачева не интересовал издателей календаря. Теперь это все входит в состав календаря, даже данные о семье. С другой стороны, осознавая себя, по мнению издателей, ребенок должен обратить внимание на свое здоровье и физическое взросление, и на то, что он, прежде всего, ученик. О том, что владелец календаря, должен быть только христианином, мы уже и не говорим. Т. е. даже индивидуальный подход строго определен «взрослыми» представлениями о норме. Обратив внимание на отсутствовавшие в календаре, но важные для школьника вещи, издатель не просто организует новую рубрику, но вторгается в новую сферу со своими правилами и ценностями, отчасти пытаясь соответствовать ожиданиям школьника, отчасти пытаясь навязывать что-то свое.

Появляется специальная анкета, где следовало указать: девиз или любимое изречение поэта, рост, вес, объем в груди, объем в талии, длину стопы, самое важное событие жизни в течение года, лучших друзей в течение года, какую решил избрать профессию, замечания⁹. Отметим, что у ребенка появляются друзья и события личной жизни, помимо учебы. Что же представляет собой ученик сам по себе, безотносительно к школьной деятельности? На первый взгляд ничего не изменилось: он по-прежнему владелец библиотеки и чтение – его важнейшее занятие. Наш ученик также внимательно ведет свои финансовые дела и у него есть круг знакомств, зафиксированный в адресной книге. Однако времена изменились, и то, что ранее казалось очевидным, и должно было быть только указано взрослыми, теперь приобретает характер неочевидный. Во всяком случае, наличие каждой из перечисленных рубрик уже приходится снабжать эпиграфом, авторитетным высказыванием. Так, рубрика «Книги, которые мне следует прочесть», снабжена эпиграфом: «Старайтесь читать только

такие книги, которые необходимо прочесть: поверьте и для этого не хватит жизни – так много подобных книг (С. Смайлс)¹⁰. Список книг библиотеки предваряется отрывком из стихотворения Виктора Гюго: «Без книги мрак кругом, без книги мир – могила» и т. д. Читатель календаря в представлении издателя стал серьезнее, он повзрослел. Ему мало авторитета календаря, ему требуется авторитет мудрых людей. Так, в воображении взрослых издателей школьник превращается в собеседника.

Разумеется, все, сказанное выше, не носит общего характера. Выводы, сделанные на основе только одного типа источников, нельзя применять ко всему многообразию действительности. Однако на наш взгляд, некоторые структуры взаимонепонимания выделить удалось.

Подводя итог, объединим несколько подмеченных взрослых представлений о детской повседневности. Во-первых, мы отметили однозначность этих представлений, их невариативность. Школьная повседневность как бы застывает в данной взрослыми структуре. Однако то, что должно быть важным для ребенка с точки зрения взрослого, для самого ребенка важным может и не являться.

Во-вторых, при попытках взрослых изменить отражение ученической жизни в календаре мы видим определенного рода запаздывание. Взрослые реагируют на потребности детей в конце XIX в. с опозданием лет на десять.

В-третьих, непонимание, как мы видели, может усиливаться нормативностью высказываний взрослых. И посещение цирка, и чтение вслух, и катанье на лодке – везде необходима воспитательная сентенция. Высказывания взрослых о детской повседневности не учитывают переживаний школьника. Соблюдение нормы становится важнее сочувствия.

В-четвертых, представления взрослых о детской повседневности не оставались неизменными. Эволюция этих представлений продвигалась в стону индивидуализации ученика на страницах календаря, конкретизации его облика. В то же время эта индивидуализация могла выражаться в расширении представления взрослых о потребностях ученика и дополнительной регламентации возникших в поле зрения издателей участков школьной жизни.

¹ Опыт источниковедческого исследования одного из видов календаря см.: Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М., 1998. – 702 с.

² См. напр: Агапкина, Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. – М., 2002. – 816 с.; Толстая, С. М. Полесский народный календарь. – М., 2005. – 600 с.

³ Чуковский, К. Матерям о детских журналах. – СПб., 1911. – 103 с.

⁴ Календарь для детей на 1870 г. – Киев, б. г. – 80 с.; Календарь и записная книжка для учащихся на 1873 г. – Киев, 1872. – 64 с.

⁵ Календарь Вольфа 1884/85. – М.; СПб., 1883. – С. 15.

⁶ Иллюстрированный календарь и справочная записная книжка для учащихся на 1885/86 учебный год. – М.; СПб., 1884. – С. 67.

⁷ Рыкачев, А. М. Дневник 1890–1892 гг. // Русское прошлое : историко-документальный альманах. Кн. 7. – СПб., 1996. – С. 174–244.

⁸ Там же. – С. 180.

⁹ Календарь Вольфа 1907/08 гг. – М.; СПб., 1906. – С. 89.

¹⁰ Там же. – С. 95.